

Евгений Петрович Сергун

*Доцент кафедры уголовного, административного права и процесса
Горно-Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: e.p.sergun@gmail.com*

О целесообразности криминализации злоупотребления правом законодательной инициативы (статья 278.1 Уголовного кодекса РФ)

Аннотация: в статье излагается и обосновывается авторский проект состава преступления, предусмотренного *de lege ferenda* ст. 278.1 УК РФ «Злоупотребление правом законодательной инициативы». Дается уголовно-правовая характеристика его элементов и признаков.

Рекомендация предложенного уголовно-правового запрета объясняется необходимостью установления юридической ответственности за следующие действия: 1) внесение субъектом права законодательной инициативы заведомо неконституционного законопроекта; 2) представление официального положительного отзыва на заведомо неконституционный законопроект о внесении изменений или дополнений в уголовное законодательство; 3) организацию лоббирования заведомо неконституционного законопроекта.

Предполагается, что введение ст. 278.1 УК РФ внесет значительный вклад в обеспечение конституционной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: преступления против основ конституционного строя, конституционная безопасность, антиконституционная деятельность, экстремизм, неконституционный политический лоббизм, неконституционное правотворчество.

Evgenii Petrovich Sergun

Associate Professor of the Department of criminal, administrative law and process of the Gorny Altai State University, Candidate of legal sciences

On Expediency of Criminalization of Abuse of the Right of Legislative Initiative (Article 278.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Annotation: the article describes and substantiates the author's project of the crime, *de lege ferenda* envisaged by article 278.1 of the criminal code "Abuse of the right of legislative initiative". The criminally-legal characteristic of its elements and characteristics has been given.

The proposed criminal prohibition is to establish a legal responsibility for the following: 1) introduction by the subject of a knowingly unconstitutional legislative initiative; 2) submission of an official positive feedback on an obviously unconstitutional bill on amendments or supplements to the criminal legislation; 3) lobbying an obviously unconstitutional bill.

It is expected that the introduction of article 278.1 of the criminal code will make a significant contribution to ensure the constitutional security of the Russian Federation.

Keywords: crimes against the constitutional order bases, constitutional security, anti-constitutional activities, extremism, unconstitutional political lobbying, unconstitutional lawmaking.

Несомненна правильность того утверждения, что «в демократическом и правовом государстве обеспечение режима конституционной

законности является ключевым фактором развития страны в соответствии с духом и буквой Конституции»¹. В нашей стране, как известно, федеральные законы принимаются Государственной Думой – нижней палатой Федерального Собрания Российской Федерации (ч. 1 ст. 105 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.², далее – Конституция РФ). При этом качество действующего уголовного законодательства (впрочем, не только уголовного, но и административного) во многом оставляет желать лучшего. А. В. Малько, оценивая общий уровень деятельности субъектов российского правотворчества, справедливо замечает: «...Отражение в законодательстве такого элемента правового статуса депутата, как ответственность на сегодняшний день выглядит весьма скромно. <...> народный избранник часто забывает о нуждах народа и не несет ни уголовной, ни политической, ни моральной ответственности. <...> В работе представительных органов наблюдается полное пренебрежение элементарными правилами юридической техники и грамматики... <...> учащаются случаи введения в действие законов, вступающих в противоречие с интересами общества, экономически не обеспеченных, без указания механизма реализации, страдающих дублированием и пробелами, способствующих снижению уровня эффективности законодательной деятельности и обеднению правовой культуры граждан. Недостатки, существовавшие на начальных этапах формирования общенациональной правовой политики, переходят на следующие этапы, тем самым увеличивая количество проблем. <...> Такие законы наносят огромный вред обществу и государству. В связи с чем в настоящее время назрел вопрос об ответственности парламентариев за низкое качество правотворчества и проведении взвешенной правовой политики в этой области»³. Особо настораживают случаи игнорирования депутатами Государственной Думы конституционно-правовых норм в законотворческом процессе: «Отечественные законодатели, поддерживая различных лоббистов, не желают обращать внимание на то, что создают отраслевые законы, противоречащие Конституции РФ»⁴, – отмечает В. В. Вандышев.

Проблема юридической ответственности субъектов правотворчества за ненадлежащие результаты своей профессиональной деятельности чрезвычайно многоаспектна. Для ее комплексного решения необходим выход далеко за грани уголовно-правой доктрины (причем в зависимости от подхода может вовсе не потребоваться обращение к учению о преступлении) с погружением в фундаментальные вопросы политической философии и политологии, теории государства и права и конституционно-правовой науки. Осуществление такого намерения, разумеется, предполагает проведение самостоятельного исследования в рамках иных отраслей научного знания, объектом которого будет выступать в широком понимании институт представительной (законодательной)

¹ *Гашина Н. Н.* Конституционный контроль как фактор обеспечения эффективности конституционного законодательства Российской Федерации // Вестник государственного и муниципального управления. М., 2012. № 2. С. 63.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4, ст. 445.

³ *Малько А. В., Маркунин Р. С.* Расширение демократических начал возложения юридической ответственности на депутатов и органы представительной власти за качество правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 258–259.

⁴ *Вандышев В. В.* Российская законодательная власть и формирование ею правового государства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2011. № 1. С. 50.

власти. Цель же данной статьи — предложение одного из элементов уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя России. Соответственно, правотворчество, расходящееся в своих идеях и предназначении с основами конституционного строя Российской Федерации, рассматривается нами как прямая (или как минимум косвенная) угроза правовой структуре либерально-демократического государства.

На первый взгляд, всякие соображения относительно целесообразности криминализации неконституционной законодательной деятельности могут показаться, с одной стороны, излишне максималистскими, неоптимальными, а с другой — непрогрессивными, т. е. по существу не повышающими результативность уже имеющегося конституционно-правового механизма гарантирования конституциональности российского правотворчества. Действительно, разве недостаточно базовых положений Основного Закона, согласно которым «законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ) и «акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу» (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ)? По нашему убеждению, нет, и на это имеются следующие аргументы.

Во-первых, названные и некоторые другие конституционно-правовые нормы, призванные регулировать общественные отношения в обозначенной области (в частности, ст. 18 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина... ..определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной... власти»), фактически лишены обязательного отраслевого обеспечения и носят декларативный характер. Отсутствие установленной федеральным законодательством Российской Федерации юридической ответственности (вместо условно действующих абстрактных норм парламентской этики, предусматривающих, например, «моральное осуждение» в качестве меры воздействия¹) за умышленное игнорирование субъектами права законодательной инициативы ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, гласящей, что органы государственной власти и должностные лица обязаны соблюдать Основной Закон, способствует превращению современного российского правотворчества в волюнтаристскую, пренебрежительную к основным началам демократического правового государства политическую деятельность. Подобные формально «правомерные» процессы (ввиду невозможности применения надлежащих санкционных мер), протекающие на общегосударственном уровне, могут являться не только следствием халатности или недопонимания отдельными депутатами и чиновниками негативных социальных последствий своих актов в силу своей профессиональной некомпетентности, но даже способны принять целенаправленный антиконституционный характер как разновидность экстремистской деятельности с организованным участием «народных избранников» и (или) высокопоставленных должностных лиц органов государственной власти. В связи с этим становится ясно, что имеющийся в российском конституционном праве пробел должен быть незамедлительно восполнен отсутствующими мерами уголовно-правового принуждения.

Во-вторых, если нормативный правовой акт открыто или имплицитно противоречит основам конституционного строя Российской Федерации, а равно

¹ См.: Проект Кодекса парламентской этики // Газета.Ru : сайт. URL : <http://www.gazeta.ru/parliament/info/laws/12832.shtml> (дата обращения: 01.02.2016).

общепризнанным правам и свободам человека и гражданина, его официальное властное одобрение несет в себе разрушительное свойство для пока несформировавшегося в России демократического правосознания. Будучи дилетантско-популистским или низменным коррупционно-лоббистским продуктом, он способен породить в массах идеи, отвергающие ценность Конституции РФ, ее фундаментальные принципы, в целом демократический политический режим, в чем прослеживается его значительное сходство с экстремистскими материалами. В самом деле, неконституционное правотворчество по интенсивности своего вредоносного воздействия на охраняемый российским уголовным законом объект — основы конституционного строя (гл. 29 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, далее — УК РФ) — надлежит рассматривать по меньшей мере как косвенную угрозу безопасности правовой структуры либерально-демократического государства, а при наличии у субъектов неправомерной деятельности антиконституционных мотивационно-целевых установок — как прямое посягательство на безопасность конституционного строя Российской Федерации (т. е. как преступление экстремистской направленности).

В-третьих, признание Конституционным Судом РФ неконституционности обжалуемых (оспариваемых) законов в порядке, определенном Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹, не подразумевает возмещения причиненного их действием (которое может быть довольно продолжительным) колоссального ущерба правовой системе и международному авторитету перспективного демократического государства (России), за который, как представляется, должны отвечать инициаторы таких законопроектов. В случае законодательного определения таких последствий как преступных возникает юридическое основание для требования компенсации (возмещения) вреда, причиненного преступлением (ст. 52 Конституции РФ, ч. 3 ст. 42, ст. 44 УПК РФ и др.).

Приведенные доводы не голословны, но заметим, что главная научная проблема состоит не столько в обосновании продуктивности уголовно-правового вмешательства в область регулирования законотворческой деятельности, сколько в разработке конкретных средств уголовно-правового воздействия. И тут, принимая во внимание специфику поставленной задачи, предлагаемые учеными решения могут быть самыми неординарными.

Учитывая, что законотворчество представляет собой многогранный, неоднородный, состоящий из нескольких этапов масштабный государственный процесс, и в нем принимает участие сравнительно большое количество компетентных лиц (в основном высокопоставленных), из которых всех было бы явно неразумно, а с практической стороны — нереально привлекать к уголовной ответственности, логичной кажется мысль о возможной уголовно-правовой борьбе с констатированным негативным социально-политическим явлением в его «зародышевом» состоянии, а именно на стадии законодательной инициативы. В развитие данной теории предлагаем следующее нововведение в российский уголовный закон.

«Статья 278.1. Злоупотребление правом законодательной инициативы

1. Внесение субъектом права законодательной инициативы, а равно представителем субъекта права законодательной инициативы, являющегося

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447.

органом государственной власти, заведомо неконституционного законопроекта в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации —

наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти месяцев до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от шести месяцев до трех лет либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей.

2. Представление должностным лицом Правительства Российской Федерации либо Верховного Суда Российской Федерации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, официального положительного отзыва на заведомо неконституционный законопроект о внесении изменений или дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации —

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех месяцев до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от шести месяцев до трех лет либо лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей.

3. Организация лоббирования заведомо неконституционного законопроекта, а равно оказание финансовой поддержки (спонсирования) или иного активного содействия субъекту права законодательной инициативы с целью злоупотребления им данным правом —

наказывается штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей или без такового».

Приведем краткую уголовно-правовую характеристику спроектированной статьи.

Родовым (специальным) объектом преступлений, предусмотренных ст. 278.1 УК РФ, выступают в обобщенном понимании общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности демократического правового государства.

Видовой объект преступлений, связанных со злоупотреблением правом законодательной инициативы (ст. 278.1 УК РФ), можно дефинировать как общественные отношения, гарантирующие неизменность либерально-демократического содержания правовой структуры (системы) Российской Федерации. Последние относятся к группе общественных отношений, обеспечивающих внутреннюю безопасность демократического правового государства, в частности его конституционного строя.

Констатация *основного непосредственного объекта* преступных посягательств, отраженных в ч. 1–3 ст. 278.1 УК РФ, находится в прямой зависимости от иерархии мотивационно-целевых установок виновного. Если какое-либо из указанных деяний совершается с преимущественно экстремистскими

намерениями, то таковым являются общественные отношения, обеспечивающие неизблемость ч. 1 ст. 1, ст. 2, 3 Конституции РФ, т. е. либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации. Если на первом месте у виновного стоит побуждение иного характера (профессионально-карьеристское, предпринимательское, корыстное и др.), то основным непосредственным объектом данных преступлений станут общественные отношения, регулируемые ч. 1, 2 ст. 15 Конституции РФ (также входящей в гл. 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя»), а те, что обеспечивают постоянство политико-идеологического базиса (ч. 1 ст. 1, ст. 2, 3 Конституции РФ), будут выступать *дополнительным непосредственным объектом*.

С *объективной стороны* ст. 278.1 УК РФ кодифицирует три самостоятельных формальных состава преступления (каждый из которых рационально выделен в отдельную часть), напрямую или опосредованно сопряженных со злоупотреблением правом законодательной инициативы.

В качестве координирующей уголовно-правовой нормы позиционирует ч. 1 ст. 278.1 УК РФ, раскрывающая сущность злоупотребления правом законодательной инициативы и, соответственно, устанавливающая уголовную ответственность за его непосредственное совершение. Диспозиция ч. 1 криминализирует начальную стадию заведомо неконституционной законодательной процедуры — именно на нее направлено уголовно-правовое воздействие ст. 278.1 УК РФ.

Согласно части 2 ст. 104 Конституции РФ законопроекты вносятся в Государственную Думу. В дальнейшем этот процесс регулируется гл. 12 «Порядок внесения законопроектов в Государственную Думу и их предварительное рассмотрение» разд. III «Законодательная процедура» Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. Постановления от 16 июня 2015 г. № 6859-6 ГД)¹. Принятие ст. 278.1 УК РФ не требует внесения изменений в данную правотворческую стадию (совершенствование которой, впрочем, рекомендуется²).

Для правильного понимания термина «законопроект», использованного в диспозициях ст. 278.1 УК РФ, правоприменителю надлежит руководствоваться ст. 104 указанного Постановления. Внесение в Государственную Думу поправок к законопроекту в контексте ч. 1 ст. 278.1 УК РФ равнозначно внесению в Государственную Думу самого законопроекта (сказанное относится также к ч. 2, 3 ст. 278.1 УК РФ). Обратим внимание на то, что уголовно-правовое воздействие ч. 1, 3 ст. 278.1 УК РФ не ограничивается сферой уголовного законодательства (что, напротив, свойственно ч. 2 ст. 278.1 УК РФ). Имеются в виду любые проекты федеральных конституционных законов и отраслевых федеральных законов (в том числе законопроекты о внесении изменений в действующие законы Российской Федерации и законы РСФСР, федеральные конституционные законы и федеральные законы, либо о признании этих законов утратившими силу, либо о неприменении на территории Российской Федерации актов законодательства Союза ССР).

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7, ст. 801.

² См., напр.: *Бошно С. В.* Законодательная инициатива в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

В статье 278.1 УК РФ подразумеваются только неконституционные законопроекты. Конституционно-конформные законодательные предложения, вступающие в противоречие с действующими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, не создают угрозу основам конституционного строя Российской Федерации. При констатации неконституционности законопроекта (особенно в рамках федерального конституционного и уголовного законодательства) ключевую роль играет установление того факта, что его сущность противоречит основополагающим принципам либерально-демократического правового государства, отраженным в обобщенном виде в ч. 1 ст. 1, ст. 2, 3 Конституции РФ, и характеризуется научно-правовым регрессом — движением не в сторону более полного признания, соблюдения и эффективной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, а в противоположном, антагонистическом политическом направлении.

Криминализация деяния, описанного в ч. 2 ст. 278.1 УК РФ, обусловлена необходимостью уголовно-правового обеспечения надлежащей реализации требования, сформулированного в абз. 1 ст. 8 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г. № 266-ФЗ) «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ (далее — ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса...»), в котором отмечается следующее: «Проекты федеральных законов о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации могут быть внесены в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации только при наличии официальных отзывов Правительства Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации».

В диспозиции ч. 3 ст. 278.1 УК РФ излагается альтернативный состав преступления, характеризующийся тем, что в нем сформулированы два условно самостоятельных деяния, совершение хотя бы одного из которых является основанием для наступления уголовной ответственности (разумеется, при наличии других обязательных квалификационных признаков): 1) организация лоббирования неконституционного законопроекта; 2) оказание финансовой поддержки (спонсирования) или иного активного содействия субъекту права законодательной инициативы.

В целом указанная уголовно-правовая норма призвана криминализировать неконституционный лоббизм в правотворчестве, но для юридической определенности дифференцирует данный процесс на деятельность: 1) организационного (т. е. управленческого, координационного) плана; 2) исполнительного характера (под исполнителем в данном случае понимается тот, кто непосредственно осуществляет политическое лоббирование, т. е. выполняет подстрекательно-пособническую функцию в отношении лица, уполномоченного внести законопроекты в Государственную Думу, с целью склонения последнего к злоупотреблению и (или) содействия ему в злоупотреблении правом законодательной инициативы).

Под «иным активным содействием» субъекту права законодательной инициативы надлежит понимать совершение исполнителем прочих умышленных деяний (помимо отмеченного оказания финансовой поддержки — спонсирования), значительно упрощающих или делающих возможным совершение

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2955.

субъектом права законодательной инициативы преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 278.1 УК РФ. Это может быть, к примеру, санкционирование (утверждение, визирование и т. п.) уполномоченным должностным лицом (в рамках установленной процедуры) заведомо для него неконституционного законопроекта, дающее дальнейший ход реализации преступного умысла.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 278.1 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины. Об этом прежде всего свидетельствует употребленное во всех диспозициях наречие «заведомо». Формулировка «заведомо неконституционный законопроект» означает, что виновный отдает себе отчет в том, что сущность тех или иных вносимых (продвигаемых) законодательных предложений состоит не в научно обоснованном совершенствовании российской правовой системы в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации, правами и свободами человека и гражданина (в том числе закрепленными в ратифицированных источниках международного права), а, напротив, в своего рода протесте основополагающим либерально-демократическим принципам Основного Закона. Если в контексте ч. 3 ст. 278.1 УК РФ предполагается только прямой умысел (лоббист не может не желать наступления общественно опасного результата, в противном случае это противоречило бы логике неконституционного лоббирования), то по смыслу ч. 1, 2 ст. 278.1 УК РФ возможны как прямой, так и косвенный умыслы (последний отчетливо проявляет себя в первую очередь при корыстной, а не политической заинтересованности субъекта преступления).

Цель в качестве квалификационного признака упоминается только в диспозиции ч. 3 ст. 278.1 УК РФ. Для судебно-следственных органов не является обязательным установление (доказывание) каких-либо конкретных мотивов разбираемых преступлений.

Субъекты преступлений, предусмотренных ст. 278.1 УК РФ, подразделяются на три группы: 1) специальный субъект преступления по ч. 1 ст. 278.1 УК РФ — субъект права законодательной инициативы либо, если таковым выступает орган государственной власти, его представитель — должностное лицо, действия которого иницируют (реализуют) внесение законопроекта в Государственную Думу; 2) специальный субъект преступления по ч. 2 ст. 278.1 УК РФ — должностное лицо (в том числе в составе уполномоченной группы) Правительства РФ либо должностное лицо (в том числе в составе уполномоченной группы) Верховного Суда Российской Федерации, которому поручена в порядке ст. 8 ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса...» подготовка официального отзыва на проект федерального закона о внесении изменений или дополнений в УК РФ, а также визирующее должностное лицо соответствующего государственного органа; 3) общий субъект преступления по ч. 3 ст. 278.1 УК РФ — вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Открытым остается вопрос о том, как добиться принятия столь злободневной и, увы, далеко не всем политическим деятелям угодной уголовно-правовой нормы. Как видится, путем того же лоббирования, но только конституционного, исходящего от сплоченного общей политико-правовой идеологией профессионального юридического сообщества и активных представителей институтов гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Бошно, С. В. Законодательная инициатива в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Бошно. — М., 1997. — 197 с.

2. Вандышев, В. В. Российская законодательная власть и формирование ею правового государства // Вестник Санкт-Петербургской юрид. академии. — 2011. — № 1. — С. 49–54.

3. Гашина, Н. Н. Конституционный контроль как фактор обеспечения эффективности конституционного законодательства Российской Федерации // Вестник государственного и муниципального управления. — 2012. — № 2. — С. 63–68.

4. Малько, А. В. Расширение демократических начал возложения юридической ответственности на депутатов и органы представительной власти за качество правотворчества / А. В. Малько, Р. С. Маркунин // Юридическая техника. — 2014. — № 8. — С. 256–263.

5. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (в ред. от 16 июня 2015 г. № 6859-6 ГД) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 7, ст. 801.

References

1. Boshno, S. V. Zakonodatel'naja iniciativa v Gosudarstvennoj Dume Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk [Legislative initiative in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation : dis. ... candidate. of law] / S. V. Boshno. — M., 1997. — 197 p.

2. Gashina, N. N. Konstitucionnyj kontrol' kak faktor obespechenija jeffektivnosti konstitucionnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [The constitutional control as a factor in the effectiveness of constitutional legislation of the Russian Federation] // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. — 2012. — № 2. — P. 63–68.

3. Mal'ko, A. V. Rasshirenie demokraticeskikh nachal vozlozhenija juridicheskoi otvetstvennosti na deputatov i organy predstavitel'noj vlasti za kachestvo pravotvorchestva [The extension of democratic principles of imposing legal liability on the deputies and the representative bodies for the quality of lawmaking] / A. V. Mal'ko, R. S. Markunin // Juridicheskaja tehnika. — 2014. — № 8. — P. 256–263.

4. Reglamente Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii : postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobranija RF ot 22 janvarja 1998 g. № 2134-II GD (v red. ot 16 ijunja 2015 g. № 6859-6 GD) [On Regulation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 22 January 1998, No. 2134-II state Duma (in edition from June 16, 2015 No. 6859-6 HD)] // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1998. — № 7, art. 801.

5. Vandyshev, V. V. Rossijskaja zakonodatel'naja vlast' i formirovanie eju pravovogo gosudarstva [Russian legislative power and the formation of its legal state] // Vestnik Sankt-Peterburgskoj jurid. akademii. — 2011. — № 1. — P. 49–54.